УДК 821.161.1
DOI: 10.25991/3033-604X.2025.17.54.010

Г. Ю. Карпенко[1]
И. М. Перепелкин[2]

ЦЕННОСТНЫЕ КОДЫ СТОЛИЧНОГО ЛОКУСА В ТЕТРАЛОГИИ Е. Н. ЧИРИКОВА «ЖИЗНЬ ТАРХАНОВА»

Аннотация: *Статья посвящена выявлению функциональных особенностей и направлению их взаимодействия в петербургском локусе романа Е. Н. Чирикова «Жизнь Тарханова». В статье применяется структурно-семиотический метод, который позволил исследователям представить «дома» в петербургском локусе как упорядоченную знаковую систему и дешифровать особенности взаимоотношений, возникающих между ними, а также — аксиологический, с помощью которого авторы находят следующие подходы к определению ценностного содержания петербургского «дома» в тетралогии «Жизнь Тарханова»: выясняется, что петербургский «дом» тетралогии организуется и функционирует согласно ветхозаветному коду и, в частности, реализует сюжет об Ионе во чреве китовом. В связи с этим весь сюжет «петербургского дома» представляется как жизнь, вывернутая наизнанку, бытие наоборот, а сам город репрезентирован как пространство, поглощающее человеческую индивидуальность и сливающее время-пространство в ветхозаветное «Великое Страдание».*

Abstract: *The article is devoted to the identification of functional features and the direction of their interaction in the St. Petersburg locus of E. N. Chirikov's novel "The Life of Tarkhanov". The article uses the structural-semiotic method, which allowed researchers to present "houses" in the St. Petersburg locus as an ordered sign system*

[1] **Карпенко Геннадий Юрьевич** — доктор филологических наук, профессор, Самарский университета (Самара); karpenko.gennady@gmail.com.
Karpenko Gennadyj Yur'evich — Doctor of Philology, Professor, Samara University (Samara); karpenko.gennady@gmail.com.

[2] **Перепелкин Иван Михайлович** — студент, Самарский университет (Самара); ivan_perepelkin2003@mail.ru.
Perepelkin Ivan Michajlovich — student, Samara University (Samara); ivan_perepelkin2003@mail.ru.

and decipher the features of the relationships that arise between them, as well as the axiological method, with which the authors find the following approaches to determining the value content of the one of the "homes" in the tetralogy "The Life of Tarkhanov" — Saint Petersburg: It turns out that the Saint Petersburg "house" of tetralogy is organized and operates according to the Old Testament code and, in particular, implements the plot about Jonah in the belly of a whale. In this regard, the entire plot of the Petersburg house is presented as life turned inside out, being the other way around, and the city itself is represented as a space that absorbs human individuality and merges time-space into the Old Testament "Great Suffering".

Ключевые слова: *Е. Н. Чириков, «Жизнь Тарханова», петербургский текст, дом, Иона «во чреве китовом», Великое Страдание.*

Keywords: *E. N. Chirikov, "Tarkhanov's Life", Petersburg text, house, Jonah "in the belly of a whale", Great Suffering.*

Премудрость построила себе дом.
Притчи Соломона, 9:1

Феномен русской литературы рубежа XIX–XX веков привлекает внимание многих исследователей по той причине, что в этот период происходит коренное переоформление ценностной системы: в веками существовавшем «храмовом, домостроительном» сознании русского человека под влиянием социально-политических процессов проходит внутренний разлом: он выявляет и кризис индивидуального взгляда на мир, и изменения в наиболее типичных чертах русского менталитета, а в целом — высвечивает проблемы взаимодействия с тем новым миром, в котором «все ценности — от человека до Бога — пошатнулись» [1, с. 163].

В такой аксиологически переходной ситуации возникает необходимость в поиске, обретении и утверждении опоры на «базовую» непреходящую ценность, которая бы связала прошлый мир и новый, вновь установила границы дозволенного и вернула бы человеку его самость, а миру устойчивость его существования.

Такой ценностью, по мнению ряда исследователей, среди которых назовем М. Элиаде [2], Г. Башляра [3], С. С. Аверинцева [4], Ю. М. Лотмана [5], является «Дом» — пространство, отделенное от остального мира не только материально-физической границей, но ощутимо ценностной, которая очерчивает «место» дома как сакральное.

Целью настоящей статьи является изучение сакральных кодов домашнего пространства тетралогии Е. Н. Чирикова «Жизнь Тарханова», а именно тех социокультурных смысловых кодов, которые создают «галерею» домов петербургского локуса.

В настоящей работе применены аксиологический и структурно-семиотический подходы, которые помогли выстроить описываемые Е. Н. Чириковым петербургские дома-локусы как стройную семиотическую систему и вместе

с тем декодировать особенности отношений между ними, описать целостный феномен петербургского дома в семейно-бытовых, социокультурных, мифопоэтических, библейских категориях. Такого рода типологизация обеспечила возможность «подобрать» «иерархический» ключ к определению ценностного содержания петербургского «дома» тетралогии «Жизнь Тарханова»: в своей сакральной глубине он подчиняется ветхозаветному коду, им организуется и его смыслами живет, утверждая непреложность библейских истин. Так, в петербургском локусе реализуется сюжет об Ионе «во чреве китовом».

Однако вначале необходимо сделать ряд важных замечаний о том, как и почему тема «домашнего» проникла в творчество Е. Н. Чирикова и стала в нем одной из основных.

Евгений Николаевич Чириков (1864–1932) — прозаик, пользовавшийся известностью среди современников, но оказавшийся забытый потомками. Одной из основных причин того, что литературное наследие Е. Н. Чирикова не стало предметом широкого интереса раньше, стал факт эмиграции писателя в Чешскую Республику после революции 1917-го года. Тем не менее отнести имя Е. Н. Чирикова к забытым сейчас уже не представляется возможным: в 2018 году в Америке был издан сборник статей «Запечатленная Россия. Статьи о творчестве Евгения Николаевича Чирикова» [10], исследования, в которых проводятся первые опыты анализа художественных текстов и направлений творческого диалога Е. Н. Чирикова с современниками, представляются на конференциях («Нижегородский текст русской словесности: художественное постижение национальной ментальности» 2019 г., «Самарский текст в русской литературе. У истоков отчего дома» 2024 г.).

Тем не менее назвать Е. Н. Чирикова изученным еще далеко нельзя: не установлены истоки его творческого метода, не системно изучено окружение и контакты.

Магистральной темой, скрепившей на мотивном и сюжетном уровнях многие романы писателя («Жизнь Тарханова» (1911–1924), «Зверь из бездны» (1924) и «Отчий дом» (1929–1931), стала проблема утраты ценностного отношения к дому как к центру мироздания. В этом смысле — с точки зрения мотивов утраты дома, «вечного путешествия» — «странничество» Е. Н. Чирикова приближается к «скитальчеству» И. А. Бунина, писавшего в стихотворении «У птицы есть гнездо, у зверя есть нора»: «Как бьется сердце, горестно и громко, // Когда вхожу, крестясь, в чужой, наемный дом // С своей уж ветхою котомкой!» [7, с. 122–123]

Сюжетообразующим началом «петербургского» дома, актуализирующим и «подтягивающим» смыслы «домашнего» к ветхозаветному коду, выступает притча об Ионе «во чреве китовом». В свете библейской притчи сюжет «петербургского дома» представляется как жизнь, вывернутая наизнанку, бытие наоборот, а сам город репрезентирован как пространство, поглощающее человеческую индивидуальность и «сливающее» время-пространство в ветхозаветное «Великое Страдание».

Прежде всего, выделим основные мотивы и смыслы ветхозаветной притчи. Ионе было слова Господа — идти и проповедовать христианство в Ниневию, однако Иона испугался и бежал от сказанного ему Господом на корабле в Фарсис. Когда же кара настигла Иону, то воззвал он в скорби из преисподней? и Господь услышал его, после чего велел киту извергнуть Иону на сушу.

Как показывают наблюдения, выявленные ветхозаветные мотивы и смыслы притчи находят преломление в петербургском «доме» тетралогии Е. Н. Чирикова. На структурно-функциональном уровне можно сопоставить Иону с Геннадием Тархановым, а кита — с Петербургом, поглотившем героя. Такое сопоставление, как будет видно далее, с точки зрения пространственной и событийной организации менее всего подвергается критике и выглядит оправданным. Однако такая структура задает еще один важный вектор сопоставления: грех Ионы — грех Геннадия Тарханова.

Таким образом, перед исследователями будет стоять задача не только иллюстрации структурного сходства образов Ионы — Геннадия Тарханова и кита — Петербурга, но и поиска мотива, задающего данный сюжет в тетралогии.

Петербург выведен в тетралогии в двух романах — «Изгнание» [9] и «Семья» [10]. В «Изгнании» петербургских эпизодов достаточно мало, город лишь упоминается вскользь, все эпизоды раскрывают Петербург как пространство беспорядка, как бурлящий котел людских мыслей, взглядов: «В Петербурге образовались и работают группа народовольцев и несколько социал-демократических кружков <...> С толстовщиной совершенно покончено, как и с культуртрегерством» [9, с. 424] (сделаем небольшое замечание — эта «толстовщина» будет нам важна и далее, она — один из основных кодов петербургского дома).

Следующее небольшое упоминание Петербурга встречаем уже в московском эпизоде — Геннадий Тарханов получает письмо из Петербурга и гонорар: «Вот приятная неожиданность: семьдесят пять рублей гонорара за “Бессонную ночь!”» [9, с. 503]. Последнее в «Изгнании» упоминание Петербурга встречаем в архангельской ссылке, в условиях, когда заболевает невеста Геннадия Тарханова и герой стремится вызволить ее из северного климата посредством писем в «чиновный Петербург»: «Прошло еще две недели, но результатов моего прошения не было. Начинало закрадываться сомнение... Пришло письмо от матери: хлопочет и в Петербурге» [9, с. 540].

Сделаем небольшие промежуточные выводы: в «Изгнании» появление петербургского дома лишь подготавливается — нагнетается обстановка хаотичного бурления, отсутствия ответов на запросы. Петербургский локус еще до своего появления предстает как дом, в котором жильцам не рады, в котором нет места любви и помощи; как дом, в котором мысли о партиях и политике повлекли за собой бессонные ночи и совершенно покончили с «толстовщиной».

Непосредственно в Петербург действие тетралогии переносится лишь в последнем романе («Семья») и открывается описанием атмосферы несвободы, ощущения себя героем — Геннадием Тархановым — Ионой «во чреве

китовом»: «Проклятый Петербург! Точно на цепи. Никуда не уедешь!» [10, с. 284]. В этом Петербурге сливается все воедино — время, друзья, дела: «Машина жизни... должна работать и продолжает работать прежним полным ходом: чай, кофе, завтрак, обед, опять чай с бутербродами, разные заседания, новая пьеса, деловые и прощальные визиты» [10, с. 284]. «Великое переселение народов» [10, с. 285], как называет эту жизнь жена Геннадия Тарханова Зоя, — лишь видимая часть петербургской жизни. Если с одной, видимой, стороны, Петербург открывается наполненной жизнью и смыслом «живой рекой» [10, с. 287], состоящей из толпы людей и потока транспорта, то с другой, внутренней, — в этом городе вечность проходит как мгновение: «И не верится, что прошло пятнадцать лет... кажется, что вся петербургская жизнь была одним огромным днем» [10, с. 289]. И далее, предаваясь воспоминаниям об этих пятнадцати годах — пятнадцати минутах петербургской жизни, Геннадий Тарханов открывает для себя ту самую преисподнюю Петербурга: «Теперь, когда Петербург и петербургская жизнь выпустили его из когтей своих и отодвинулись, стало как-то виднее» [10, с. 289]. Интересно как раз понимание героем внутренней сущности петербургской жизни: «Все пятнадцать лет ему представились как один сплошной бесконечный день... Не заметил, как выросли дети, как появились седые волосы, как Зоя... вышла из центра его жизни» [10, с. 289–290].

Чуть далее Геннадий Тарханов осознает именно бессмысленность, спутанность петербургского бытия:

> *«Никак не отделишь себя, свою личность, свое “я”, свою сущность, свою душу от Петербурга... “Проглотил, проклятый”, — прошептал Тарханов.* ***Пятнадцать лет прожил, как жил пророк Иона в чреве китовом!»*** *[10, с. 290] (полужирный наш. — Г. К., И. П.).*

После этого открытия герой констатирует, что Петербург отнял у него самого себя, детей, жену. И далее появляется тот самый мотив, обеспечивающий структурное сходство притчи и сюжета тетралогии:

> *«Как жить? Как будто он (Петербург-кит — Г. К., И. П.) распоряжается чужой жизнью! Да ему самому-то некогда подумать о том, как самому-то жить... тут уж не ты жизни приказываешь, а жизнь повелевает... А главное — обманывает...» [10, с. 291].*

Вся петербургская жизнь оказывается длинным сном, сливающим время-пространство, события и людей, растворяющим среди всего смысл и ощущение проживаемой жизни, — «Весь дом еще спит» [10, с. 291], — в одном из петербургских эпизодов говорит Геннадий Тарханов, — однако «самому не спится» [10, с. 292]. Это ощущение сна и нереальности жизни в Петербурге экстраполируется и на членов семьи Тарханова.

Библейский мотив петербургского сюжета, поддерживается и другими эпизодами романа, во многом дополняющими доминантный мотив

и, как в сюжете об Ионе «во чреве китовом», «выполняющими» функцию высвобождения героев из «китовьего» плена города.

Герой, живя уже в Москве, неожиданно для себя вспоминает случай из петербургской жизни, который «тогда только рассмешил его до слез, а теперь тоже остановил на себе внимание и неожиданно предстал в серьезном, совсем ином, не смехотворном, образе» [10, с. 443–444]. Год назад в Петербурге, проходя по Волкову кладбищу, Геннадий Тарханов встретился с еще одним, наиболее ярким «перевертышем» «китовьего» мира Петербурга: хоронили товарища, шло отпевание в кладбищенской церкви, было смрадно, а главное, не прекращались рыдания жены и детей умершего. Тарханову стало тяжело, он вышел прогуляться по кладбищенским аллейкам и увидел следующую картину:

> *«...там кого-то уже хоронили, но странно: вместо погребального пения и рыдания оттуда доносился раздраженный спор людей с визгливыми выкрикиваниями... Час тому назад похоронили покойника именно в той могиле, которая предназначалась для этого покойника, и теперь родные его не желали опускать гроб в "чужую могилу"» [10, с. 444].*

Благодаря этому незначительному эпизоду понимаем, что и весь Петербург, все пятнадцать лет-минут, все произошедшее с ним и его семьей, воспринимаются Геннадием Тархановым как «чужая могила», то, чего не должно было быть и было не с ним настоящим. И лишь выбравшись из плена Петербурга-кита, Геннадий Тарханов — пророк Иона осознает цену своего греха и кару петербургским этапом жизни.

О втором эпизоде, окончательно «закрывающем» петербургский локус в тетралогии, упоминалось чуть ранее, и связан он с той самой «толстовщиной»: «Умер великий праведник, великий мудрец, великий христианин!.. Умер великий художник Лев Толстой... Некому стало сказать людям: "Стыдно"...» [10, с. 527].

Эта «скорбная весть» наконец снимает грех Петербурга: и всеобщее затмение, и сон разума, и великое разъединение людей. Далее встречаем ряд «храмовых» эпизодов, в которых актуализированы «спасительные» функции упразднения ветхозаветного греха, богоотступничества Ионы и дарования единения посредством великой жертвы со стороны художника: в одном из петербургских храмов, в который пришла Зоя, чтобы заказать молебен по Льву Толстому, встречаем следующий диалог с батюшкой: «Вы подали за упокой болярина Льва? — Да... Я, батюшка! ... — В таком случае возвращаю. Я не могу молиться за него. Он отлучен от церкви, как великий грешник и еретик...» [10, с. 531]. Несмотря на то, что эпизод открывается новозаветным мотивом жертвы во имя спасения мира, этот мотив не развивается и опрокидывается ветхозаветным законом — нельзя молиться за «грешника и еретика» [10, с. 531].

Этот мотив окончательного неприятия жертвы Толстого завершает весь петербургский сюжет тетралогии: несмотря на картину весеннего «ликующего торжества» Петербурга, в котором все «трепещет и сверкает от радости»,

в городе все заглушают «медлительные грустные звоны великопостных колоколов». При заключительном описании Петербурга, Е. Н. Чириков делает акцент на том, что в городе не остается Великого страдания, которое предвещало бы собою главное чудо весны — праздник чуда Воскресения Христова: «Нет как будто бы и Великого поста с его протяжными, похожими на стоны и скорбь Великого страдания колокольными зовами» [10, с. 592].

А нет этого Великого страдания в ожидании Большой радости потому, что Петербург Е. Н. Чирикова — это город, как было сказано выше, живущий по ветхозаветному закону кары Ионы. И даже Толстой, «последний христианин и великий художник», оказывается для кита-Петербурга непринятой жертвой, не искупляющей греха Ионы — Геннадия Тарханова, потому, что эта жертва, так же, как и Петербург-кит, оказывается жертвой «наизнанку»: Богом, но Богом ветхозаветным, отлученным от церкви как дома любви и не приносящим чувство радости завтрашнего дня.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аверинцев С. С.* К уяснению смысла надписи над конхой центральной апсиды Софии Киевской // Древнерусское искусство: художественная культура домонгольской Руси. М.: Наука, 1972. С. 25–49.
2. *Башляр Г.* Избранное: Поэтика пространства. М.: РОССПЭН, 2004. 374 с.
3. *Бунин И. А.* Полное собрание сочинений: в 13 томах. Т. 2. Стихотворения (1912–1952); Повести, рассказы (1902–1910). М.: Воскресенье, 2006. 592 с.
4. Жизненный и творческий путь. [Электронный ресурс] URL: https://expositions.nlr.ru/ex_manus/chirikov/chirikov_life.php (дата обращения: 21.03.2024).
5. *Карпенко Г. Ю. Типологическая модель русской классики* // Вестник Самарского государственного университета. 2016. № 1. С. 162–167.
6. *Лотман Ю. М.* Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
7. *Чириков Е. Н.* Жизнь Тарханова. Тетралогия в 2 т. Т. 1. Романы «Юность» и «Изгнание». СПб: Издательство «Маматов», 2023. 592 с.
8. *Чириков Е. Н.* Жизнь Тарханова. Тетралогия в 2-х т. Т. 2. Романы «Возвращение» и «Семья». СПб.: Издательство «Маматов», 2023. 608 с.
9. *Элиаде М.* Священное и мирское. М.: Изд-во МГУ, 1994. 144 с.
10. Mikhailova, M. V., Nazarova, A. V. *Russia Imprinted. Articles on the works of E. N. Chirikov*. Raleigh, North Carolina, USA: Open Science Publishing, 2018. 209 p.

BIBLIOGRAPHY

1. Averincev S. S. *K ujasneniju smysla nadpisi nad konhoj central'noj apsidy Sofii Kievskoj* // Drevnerusskoe iskusstvo: hudozhestvennaja kul'tura domongol'skoj Rusi. Moskva: Nauka, 1972. S. 25–49.
2. Bashljar G. *Izbrannoe: Pojetika prostranstva*. M.: ROSSPJeN, 2004. 374 s.

3. Bunin I. A. *Polnoe sobranie sochinenij v 13 tomah*. T. 2. Stihotvorenija (1912–1952); Povesti, rasskazy (1902–1910). M.: Voskresen'e, 2006. 592 s.
4. Zhiznennyj i tvorcheskij put'. [Jelektronnyj resurs] URL: https://expositions.nlr.ru/ex_manus/chirikov/chirikov_life.php (data obrashhenija: 21.03.2024).
5. Karpenko G.Ju. *Tipologicheskaja model' russkoj klassiki* // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. 2016. No. 1. S. 162–167.
6. Lotman Ju.M. *Vnutri mysljashhih mirov. Chelovek — tekst — semiosfera — istorija*. M.: Jazyki russkoj kul'tury, 1996. 464 s.
7. Chirikov E. N. *Zhizn' Tarhanova. Tetralogija v 2 t. T. 1. Romany «Junost'» i «Izgnanie»*. SPb: Izdatel'stvo «Mamatov», 2023. 592 s.
8. Chirikov E. N. *Zhizn' Tarhanova. Tetralogija v 2 t. T. 2. Romany «Vozvrashhenie» i «Sem'ja»*. SPb.: Izdatel'stvo «Mamatov», 2023. 608 s.
9. Jeliade M. *Svjashhennoe i mirskoe*. M.: Izd-vo MGU, 1994. 144 s.
10. Mikhailova, M. V., Nazarova, A. V. *Russia Imprinted. Articles on the works of E. N. Chirikov*. Raleigh, North Carolina, USA: Open Science Publishing, 2018. 209 p.